

ВРЕДНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ

А.МАКАРЕНКО

Александр Абаринов, Гётц Хиллиг

Начало 1937 г. ознаменовалось завершением процесса над так называемым антисоветским троцкистским центром: Пятаков, Серебряков, Муралов, Дробнис, Шестов, Радек, Сокольников. К разоблачению "заговорщиков" подключены лучшие пропагандистские силы, как, например, Алексей Толстой. Отвлекаясь от написания романа Петре Великом, корифей советской литературы с натугой, не потолстовски мелко, занимается иными образами: "Радек. Когда спрашивают, как комнеотносились во время следствия, — удостоверяю: не меня мучил следователь, а три месяца мучил следателя"¹.

В это время Макаренко, будучи консультантом в Отделе трудколоний НКВД УССР, совмещает эту государственную должность с работой в Броварской колонии под Киевом. Он получил квартиру в Москве и готовился к отъезду, не ведая о непосредственной опасности, возникшей для него во время следствия по делу Л. С. Ахматова, начальника Отдела трудколоний НКВД УССР. Последний назвал фамилии двух сотрудников — Букшпана и Макаренко в числе прочих членов контрреволюционной троцкистской террористической организации, участие в которой приписывалось Ахматову. Их имена вычеркнули из протокола допроса бывшего начальника ОТК, вероятно, по указанию наркома Всеволода Балицкого².

Просьбы педагога-писателя о переводе в столицу СССР, наконец, возымели действие: в феврале 1937 г. руководство НКВД УССР дало разрешение на его увольнение. Он переехал в Москву и поселился в новой квартире в Лаврушинском переулке.

Макаренко продолжил литературную деятельность. Смерть Горького в июне 1936 г. была для него не только потерей друга и учителя, но, в определенной мере, и возможностью освободиться от контроля "шефа" и строгого цензора. Последствия этого не замедлили сказаться на активизации его писательской работы: из 137 до сих пор известных прижизненных публикаций педагога-писателя, 105 появились лишь после кончины Горького³.

Он с головой погружается в работу, но делает это не избирательно, а берет за все, что приносит гонорар. Макаренко, вырвавшийся наконец из объятий киевских чекистов, с бьющимся сердцем воспринимает аплодисменты на многочисленных встречах с читателями и педагогами, вычитывает статьи в литературных журналах, готовит темы новых лекций.

Спустя некоторое время он с удовольствием обнаруживает, что слава автора "Педагогической поэмы" позволяет ему участвовать, как говорит сейчас, в знаковых мероприятиях в Москве и других городах страны. Его фамилия встречается не только в статьях о величии сталинской Конституции, обсуждение которой проходит в стране, но и под некрологами, публикуемыми в центральных газетах. Иногда даже без его согласия и уведомления.

Среди адресов пропагандистских поездок — Ленинград. К этому городу у педагога-писателя сложилось удивительным образом устойчиво отрицательное отношение. Оно иронично присутствует во всех его письмах того периода.

Интересно, что в Ленинграде в ту пору побывал Л.-Ф. Селин (Celine), модный в Европе французский писатель. У них с Макаренко почему-то единый — унылый — взгляд на град Петров: "... Все улицы обрушились, фасады домов осыпаются... Сколько грязных, жалких забегающих с изношенным до деревянных перекрытий паркетом..., — писал г-н Селин. — Чем они торгуют? Кучей отбросов, настолько отвратительных, что невозможно себе представить, что их можно было продать еще где-нибудь, кроме России... Их мясные

Довідка "ПМ"

Абаринов Александр Олексійович народився у 1950 р. Закінчив історичний факультет Ленінградського державного університету.

Педагог.

У 1982-1993 рр.

працював у Міністерстві внутрішніх справ України, очолював Відділ виховних колоній для неповнолітніх правопорушників.

Має низку публікацій у ЗМІ з проблем перевиховання малолітніх злочинців.

Справжньою подією у його житті стало знайомство з відомим макаренкознавцем, Президентом Міжнародної асоціації макаренкознавців доктором Г. Хіллігом.

Творча енергія та ентузіазм Хілліга були поштовхом до вивчення досі маловідомого періоду у житті А.С. Макаренка — його діяльності в ролі помічника начальника Відділу трудколоній НКВС (1935-1936).

Макаренкознавство завдяки співпраці О. Абаринова і Г. Хілліга отримало брошури із серії "Опустила...", присвячені часу "Великого терору" в СРСР і роботі Макаренка у Києві — останньому пристанні великого педагога-письменника перед переїздом у Москву.

У наш час пенсіонер МВС О.О. Абаринов працює у Києві на посаді заступника Генерального директора Національного комплексу "Експоцентр України".

У наш час пенсіонер

МВС О.О. Абаринов

працює у Києві на

посаді заступника

Генерального директора

Національного

комплексу "Експоцентр

України".

¹ Толстой А. Последние слова подсудимых // Ленинградская правда. — 03.02.1937 г.

² См.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935-1937 гг.). — Марбург, 2000. — С.133.

³ См.: там же. — С.103.

магазины, почтивсеподвалах, нижеуровнямостовой, подземлей, какие-то гроты под зданиями... и очень вонючие. Кругом толпятся люди, они ждут своей очереди... Очередь отбивается от сонма мух..."⁴.

ПитеридляМакаренко – "каменнаялоханка, вкоторойплавают несколько бумажек и перья от императорского орла"⁵. Педагога-писателявоодушевляютьлишьукраиныгорода – новыестроениямонументальной эпохи. Среди дворцов Петербурга, среди творений Росси и Растрелли "...могут жить только меланхолики", – пишет он Н.В.Петрову, главному режиссеру Александринского театра, или Госдрамы, как его называли в 30-е годы и одному из немногих симпатичных ему людей в Питере⁶.

С Петровым нашего героя связывает давнее знакомство: ранее он был режиссером и художественным руководителем основанного в 1933 году Харьковского театра русской драмы – шефа "дзержинки", гдедлявоспитанниковэтойкоммуныбыливсегдазабронированы места. Посещение спектаклей, встречи с деятелями театра, беседы с актерами, в том числе и бывшими коммунарами, помогли Макаренко активизировать контакты и дружеские связи с шефами дзержинцев. А Петров – он "перетянул" в Ленинград часть харьковской труппы, и будучи в Питере, не забывает о своих украинских друзьях, ставит спектакли в Харькове, публикует вместе с режиссером Харьковской драмы С. Балухатым книгу о совместной постановке "Вишневого сада". 21 марта 1936 г. супруга Макаренко Галина Стахивна, отождествляя Петрова более с Харьковским, чем с Питером, в письме к сыну из Киева сообщила: "Харьковская русская драма была здесь на гастролях в оперном театре, от нас очень близко. Часто бывали у нас и Крамов с женой, и Яновский, и Петров, и проч. братия"⁷.

Еще одно имя, известное по питерским выступлениям Макаренко – это А.В.Ганзен, бывшая ведущей всех макаренковских встреч. Известный переводчик, знаток скандинавской литературы, подарившая русскоязычному читателю переводы М. Андерсена-Нексе и других, Ганзен высоко оценила литературную деятельность Макаренко и сожалела, что на творческие вечера с ним приходят педагоги и родители, но не приходят писатели⁸. Это она написала в газету после встречи Макаренко с читателями "Педагогической поэмы" 14 декабря 1936 г. в ленинградском Доме писателя на ул. Воинова (Шпалерной), 18.

В промежутках между работой по пропаганде и разъяснению "Педагогической поэмы" и положений сталинской Конституции Макаренко продолжает писать "Книгу для родителей", пьесу, роман "Владимир Мономах", статьи для журналов – "Новый мир", "Октябрь", "Звезда", "Литературный критик", "Литературная учеба", школьный учебник по истории и рецензии, в первую очередь в его любимой "Литературной газете".

В этом органе Союза советских писателей (ССП) 15 июля 1937 г. появляется его статья "Вредная повесть"⁹. Это рецензия на произведение Натальи Гирей "68 параллель", опубликованное в двух номерах ленинградского журнала "Литературный современник". В ней шла речь о строительстве нового города на севере, о "перековке" людей в системе ГУМГ. Повесть заметили, она находилась в центре внимания участников расширенного заседания правления Ленинградского отделения ССП по вопросу о творчестве молодых авторов 15 апреля 1937 г. Как видно из стенограммы данного мероприятия, выступающие приветствовали Н. Гирей как представителя "нового типа молодого поколения писателей, воспитанного нашим временем"¹⁰ (Р.Д.Мессер, редактор журнала, которая руководила автором¹¹). Эту книгу называли "и талантливой и таковой, что будет производить впечатление, что ее писал не начинающий автор, а профессионал. Это сказывается в языке, в умении построить диалог, в обрисовке круга людей и в построении сюжета. Мне хочется подчеркнуть, что вещь сюжетно очень острая, и поэтому вещь такая,

⁴ Цит. по газ. "Дело" (СПб) от 13.06.2000 г.

⁵ Макаренко А.С. Педагогические сочинения (ПС). Т.8. – М., 1986. – С.67.

⁶ См.: там же.

⁷ Абарин/Хиллиг. – С.83.

⁸ См.: "Литературный Ленинград", № 58 (203). 17.12.1936 г.

⁹ Факсим.: Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на: СС). Т.9. – Равенсбург, 1978. – С.93-96.

¹⁰ Российский госархив литературы и искусства (РГАЛИ), 1517-1-236, л.30.

¹¹ См.: там же, л.32.

которую трудно бросить, начав ее читать. Это большое достоинство, товарищи" (Н.Г. Свириной)¹². Среди присутствующих данного заседания оказалась Н. Гирей, которая рассказала об истории книги (над ней она работала три года)¹³.

Повесть "68 параллель" была удостоена второй премии в конкурсе на лучшее произведение по Ленинградской области. Н. Гирей приняла кандидатом в члены ССП. Ленгослитиздат планировал выпустить повесть отдельной книгой¹⁴.

В рецензии Макаренко, написанной сразу после возвращения с Украины (июнь 1937 г.), где он проводил свой первый писательский отпуск, автор дает однозначно негативную оценку — "то, что написано на 150 страницах этой повести, оставляет учителей впечатление тяжелое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всем моем желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным"¹⁵.

Из-за отрицательной рецензии Макаренко повесть Н. Гирей была заново обсуждена на специально созванном заседании ленинградских писателей и издательских работников (26.07.1937 г.) и в конечном счете признана враждебной¹⁶. Именно так — "Враждебная книга" — было озаглавлено сообщение Л. Вича (Л. Герасимович) в "Литгазете" от 31 июля 1937 г. На упомянутом совещании подчеркнул Макаренко "убедительно доказал, что повесть Н. Гирей — дурнопахнущее произведение, клеветнически искажающее советскую действительность". Тем самым, сообщалось далее в материале, стало возможным вскрыть истинное "фашистско-кулацкое нутро произведения". Как видно из стенограммы заседания от 26 июля, один из выступающих сказал: "Наш большевистский Север Н. Гирей по существу отдала кулакам"¹⁷.

Через неделю Л. Вич сообщил читателям о том, что правление ленинградской писательской организации 2 августа подробно занималось "вопросом Н. Гирей" и "признало ошибочным прием ее кандидата Союза (ССП. — А. А., Г. Х.) на основе бесспорно вредной повести". Сообщение Макаренко на страницах "Литгазеты" в связи с повестью Н. Гирей правление признало абсолютно правильным. В результате этого ответственный редактор журнала "Литературный современник", писатель М. Э. Козаков — о выступлении которого на заседании от 26 июля в рукописе материала Л. Герасимовича можно прочитать: оно "свидетельствовало о том, что политический смысл повести Н. Гирей им до сих пор не понят"¹⁸ — был отстранен от должности.

Впрочем, в тексте отзыва и в комментариях семитомника "Сочинений" А. С. Макаренко (т. 7, Москва, 1952; 2-е изд., 1958) нет никакого упоминания об авторе, произведение которого рецензирует педагог-писатель, в то время как в последнем советском собрании трудов Макаренко (восьмитомник "Педагогических сочинений") имя Н. Гирей в тексте рецензии было восстановлено, а в комментариях она не упоминается. Ее имя отсутствует и во всей макаренковедческой литературе СССР. Примечательно, что находящаяся в РГАЛИ папка с газетными вырезками, собранными Макаренко, содержит страницу "Литгазеты" от 31 июля 1937 г. со статьей Герасимовича "Враждебная книга" с подчеркиваниями, свидетельствующими, что педагог-писатель следил за развитием событий вокруг Н. Гирей¹⁹.

Автор повести была арестована 1 апреля 1938 г. Главным управлением Госбезопасности УНКВД Ленинградской области. "Сара-Ивановская-Гирей Наталья Моисеевна, 1910 г. рождения, уроженка г. Ленинграда, русская, гр-ка СССР, беспартийная, из дворян, дочь помещика, студентка Ленинградского 1-го Энергетического техникума, литератор" — достаточно изобличается в том, что является участницей антисоветской группы и ведет контрреволюционную рабо-

¹² Там же, л. 38-38 об.

¹³ Там же, лл. 40, 42 об.

¹⁴ См.: Хиллиг Г. Макаренко в год "большого террора". — Марбург, 1998 (ссылки как на: Хиллиг). — С. 52.

¹⁵ ПС. Т. 7. — М., 1986. — С. 64.

¹⁶ См.: Хиллиг. — С. 51.

¹⁷ РГАЛИ, 634-1-513, л. 85.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Хиллиг. — С. 52-53.

ту"²⁰. Ее решено было "... привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-10 и 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Лентюрье УГБ"²¹.

В Лентюрье на допросах Н. Гирей все отрицала, но была "изобличена показаниями Поповой, Мартынова, Соколова". В обвинительном заключении от 25 сентября 1938 г. говорится: "Следствием установлено, что Сарач-Гирей среди окружающих лиц вела антисоветскую агитацию, распространяла клеветнические измышления о руководителях ВКП(б) и советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам. Выражала сожаление о расстреле участников троцкистского правого центра" (речь идет о подсудимых третьего московского процесса против "блока правых и троцкистов" Бухарине, Рыкове и др. – А.А., Г.Х.). ВИНОВНОЙ СЕБЯ НЕПРИЗНАЛА"²².

Читая показания свидетелей с простыми русскими фамилиями, у нас возникал вопрос об их действительном существовании. Уж слишком общими выглядели их фразы о знакомстве с Н. Гирей, неубедительны и расплывчаты формулировки, описания событий и т.п. Например, как было сказано выше, Гирей являлась участницей антисоветской группы, однако по упомянутому делу проходит она одна. Дело, хранящееся в архиве ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области, персональное и содержит материалы только по нашей студентке.

И следователи тоже как-то сонно составили протокол допроса (на одной страничке!), позволили Н. Гирей расписаться под фразой, за которую в 1937 году сами чекисты пошли бы под суд – "никакой антисоветской деятельности я не вела и никаких политических единомышленников из контр-революционеров у меня нет"²³.

В общем, складывается впечатление, что каресту Гирей в Управлении НКВД не подготовились: со свидетелями поработали слабо, не нашли существенных аргументов для изобличения ее как врага народа. За что же ее все-таки арестовали?

Листая материалы следственного дела, мы нашли вероятный ответ на этот вопрос. Вот выписка из протокола ареста и обыска в комнате, где жила Гирей. "Опечатано: комната площадь 10 кв. м., имущество стол, матрас (так в тексте. – А.А., Г.Х.), два стула, три платья женские"²⁴. Не густо для контрреволюционерки! Новотеще, помимо платьев – "... Рукописи. Наброски и черновики и все материалы к повести 68 параллель"²⁵.

Неужели именно их, материалы к "вредной повести", критикующей "мероприятия ВКП(б) и советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам", искали в жалком жилище студентки? Выходит, что вся эта процессура имела целью найти и изъять то, что послужило объектом критики в "Литературке".

Каким же образом удалось Н. Гирей избежать длительного срока, а может быть и расстрела? Думается, что один-единственный аргумент свел на нет все потуги следователей – ведь повесть прошла цензуру, была опубликована в открытом издании, получила премию, была в планах Ленгослитиздата. Получается, что теперь нужно "привлекать" не только Гирей, но и всех тех, кто дал добро на публикацию!

В 1937 году это, наверное, послужило бы материалом для сколачивания очередного громкого уголовного дела с множеством обвиняемых. Если бы не стремительные контрдействия Л. Герасимовича, комсомольца Н.В. Лесючевского (будущего директора Ленгослитиздата), Ленинградского отделения ССП, молниеносно и публично открестившихся от повести и от автора, дело Н. Гирей неминуемо было бы групповым, резонансным, коснувшимся десятков писателей и издателей.

Однако шел уже 1938 год. 21 января этого года в Москве, в Большом театре, на торжественно-траурном заседании, посвященном 14-ой годовщине со дня смерти В.И. Ленина выступил главный организатор ленинградских репрессий А.А. Жданов: "... 1937 год

²⁰ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл., № П-72072, л.1.

²¹ Там же.

²² Там же, л.23 (выделено в тексте. – А.А., Г.Х.).

²³ Там же, л.11.

²⁴ Там же, л.3.

²⁵ Там же.

войдет в историю как год, когда наша партия нанесла сокрушительный удар врагам всех мастей, ... как год вооружения против наиболее хитрых и коварных методов борьбы врагов народа...". Зал Большого, в позолоте и потолочных панно, расписанных изображениями танцующих муз, сложими малинового плюша, аплодировал. Бешено хлопали ладонь об ладонь те, кто проскочил, те, кто остался в живых. Пока...

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в январе, рассмотрел вопрос "Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков". Центральные газеты публикуют статьи, даже в названии которых (например, "Смелее выдвигать беспартийных на руководящую работу!"²⁶) – скрытый призыв: не карать более коммунистов, численность партии и так резко, просто таки катастрофически, упала!

Но что же делать с Н. Гирей? Закрыть дело в связи с отсутствием состава преступления – значит, расписаться в собственном чекистском бессилии. Продержав ее полгода в тюрьме, Особое совещание при НКВД СССР 8 октября 1938 г. постановило: "Сарач-Гирей Наталью Моисеевну за к.-р. агитацию – заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 1 / IV 38 г."²⁷. Отбывала срок Гирей в Соликамске. Реабилитирована она была сравнительно недавно – в 1989 году²⁸.

В связи с принятием сталинской Конституции на чрезвычайном 8-м съезде Советов СССР, Макаренко, присутствуя на собрании ленинградских писателей, перед которыми выступили делегаты съезда А. Толстой и Н. Тихонов, делает такую запись, не случайно – намеренно – своим очень красивым почерком, к тому же церковно-славянским шрифтом: "Самочувствие человека в бесклассовом обществе. Это широчайшая тема. Отсутствие ощущения верхних давящих классов есть новая форма свободы, которая никем не показана. Есть новые виды гармонии людей, которые нужно показать. Это тем более должны сделать мы, потому что мы помним еще другую свободу"²⁹.

Рассуждение о "другой свободе", а также о политических основах советского общества, выходили за творческие рамки педагога-писателя, противоречили многим из тех материалов, которые он подписывал, выполняя определенный заказ.

Рецензия на повесть и следственное дело: фамилии Макаренко в деле Гирей нет, она есть только под рецензией. Лишь в догадках существует связь между арестом студентки и рецензией. Вполне возможно, что ее автору тоже были заданы вопросы в ходе следствия, но – минуя протокол. Может быть, причина кроется в том, что со времени своего неудачного выступления в коммуне им. Дзержинского на вечере выпускников 5 сентября 1936 г.³⁰, Макаренко держали "под колпаком", а он, в свою очередь, стремился воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы доказать свою лояльность политической благонадежность по отношению к власти? Или власть нарочито не прореагировала на антирежимное выступление Макаренко, его родственные связи, не вписывающиеся в НКВДистские каноны (брат – белоэмигрант, жена – из дворян), чтобы использовать беспартийного педагога-писателя как доверенное лицо, если не сказать более...

Реакция органов НКВД, которую Макаренко вызвал своим отзывом о повести Н. Гирей, была несколько заторможенной. Дело, по существу, развалилось. Однако, судя по дальнейшим шагам партии на питерском литературном фронте, можно предположить, что московский "вредный рецензент" волей-неволей явился первым, кто бросил камень в одного из ленинградских писателей...

Подобной острой критике – "легкомысленное отношение к важнейшим и ответственным темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьезную работу скороспелым лубком" – Макаренко тогда же подверг и новое произведение другого молодого автора.

²⁶ См.: "Ленинградская правда", 04.02.1938 г.

²⁷ Архивное дело, л.26.

²⁸ См.: письмо Прокуратуры С-Петербурга от 20.11.2000 г. № 13-563-2000 к А.А.Абаринкову.

²⁹ Цит. по: Абаринов/Хиллиг. – С.190 (курсив наш. – А.А./Г.Х.).

³⁰ См.: Абаринов/Хиллиг. – С.146-156.

Речь идет о "Закономерности" Николая Вирты – первом романе в советской литературе о борьбе с "троцкизмом". В своей рецензии Макаренко пишет: "Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты... В интересах повышения нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и безответственного чудака".

Произведение Н. Вирты для Макаренко – "закономерная неудача" (он так и назвал свою рецензию, написанную – согласно записи в дневнике – 8 августа 1937 г.³¹, т.е. уже зная последствия отзыва о повести Н. Гирей, и опубликованную через два дня в "Литературной газете"³²). В отличие от повести Н. Гирей, здесь речь шла не о первой, а о второй книге автора. Решением для написания острой критики на произведение Н. Вирты послужила, возможно, все более обостряющаяся обстановка вокруг Макаренко или ... соответствующее требование нам до сих пор неизвестного лица из редакции "Литгазеты" или правления ССП. В всяком случае, в его наследии сохранился более мягкий и терпимый первоначальный вариант рецензии повести "Закономерная неудача" ("Слепым полетом")³³.

Вышедший до этого роман Н. Вирты "Одиночество" имел большой успех. В феврале 1937 г. сам Сталин настойчиво советовал советским писателям "книжке Вирты" "написать рецензию". Эту рекомендацию, высказанную вождем по телефону, В. П. Ставский, наиболее активный из трех ответственных секретарей правления ССП, передал своим коллегам на IV пленуме правления Союза. Выработанный автором сценический вариант романа под названием "Земля" был принят к постановке престижным МХАТом, о чем 8 мая 1937 г. поспешила сообщить "Правда"³⁴. Об успехе "первенца" Н. Вирты, как следует из рецензии, Макаренко знал. Было ли ему известно также и о протекции Сталина, о чем 20 марта, когда педагог-писатель не был в Москве, информировала "Литературная газета" в рамках публикации стенограммы доклада Ставского³⁵, на основании личных записей Макаренко весьма сомнительно³⁶.

Впрочем, критика Макаренко в адрес романа Н. Вирты осталась без последствий, не считая одной литературной реплики в "Правде" (ноябрь 1938 г.), связанной с книжным изданием этого произведения, где его рецензия была названа "разносом", учиненным "в печальной памяти РАППовском духе... неким горе-критиком".³⁷ Вирта, который в 1939 году был награжден орденом Ленина, в 1941 году получил за свой, высоко оцененный вождем народов, роман "Одиночество" Сталинскую премию второй степени.

Впрочем, в последующих оценках трудов молодых авторов Макаренко был более толерантен.

Вместо послесловия

Поскольку у авторов нет абсолютно точных доказательств, указывающих на причастность Макаренко к приговору суда в отношении Н. Гирей, эта публикация может быть рассмотрена как версия и не более.

Она имеет право на существование, равно как и другие. Например, в ходе работы над статьей мы получили материалы, чтение которых позволило предположить еще один вариант развития событий в Ленинграде с участием А. С. Макаренко...

НКВД долго и безуспешно подбиралось к Ленинградской писательской организации. Анна Ахматова, Алексей Толстой, Ольга Форш, наконец, Михаил Зощенко своим чересчур вольным творчеством выходили за рамки тоталитарной системы. Крайне вольготно ленинградские писатели чувствовали себя еще и потому, что в городе существовало свое издательство. Все это вкуче и вызывало острое желание НКВД совершить кадровую перестановку в писательско-издательской среде Ленинграда.

Макаренко, как это грубо и звучит, была отведена роль главного загонщика в охоте на питерских писателей. В опубликованной в "Литературной газете" рецензии нет ни единого слова против Ле-

³¹ РГАЛИ, 332-5-15, л.б.

³² Факсим.: СС. Т.9. – С.97-102; также в: ПС. Т.7 – С.66-71.

³³ РГАЛИ, 332-4-119.

³⁴ Постановка пьесы Н. Вирты "Земля" на сцене МХАТ. // "Правда". – 1937 – № 125. – С.4.

³⁵ См. Решительно улучшить работу Союза писателей. Из сообщения тов. В. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР. // "Литературная газета" – 1937 – № 15. – С.2.

³⁶ См.: Хиллиг. – С.54.

³⁷ Ровинский А. Закономерность. // "Правда". – 1938. – № 321, 21.11. – С.3.

нинградского отделения ССП или Ленгослитиздата. В соответствии с тонким расчетом НКВД, весь огонь критики направлен на молодую писательницу Н. Гирей, которая, пройдя сквозь цензуру Ленобллита, обсуждение на собрании отделения Союза, получила признание, была включена в планы издательства и даже получила премию в писательском конкурсе!

Как же могли закрыть глаза на откровенно враждебное правящему строю произведение мэтры писательского жанра, столпы издательской деятельности? Что взять с Гирей!? Она – девчонка. А вот за утраченную бдительность держать ответ должны те, кто позволил выпустить "68 параллель" в свет и, вдобавок ко всему, еще и принял решение тиражировать подобные "гнусные инсинуации".

Вот такая версия. Прийти к ней позволила всего лишь одна запись в полученных материалах следственного дела Н. Сарач-Гирей-Ивановской. Составляя 1 апреля 1938 г. анкету арестованной, сотрудник Лентюрмы НКВД Ефимов в графе 20 пишет, что на вопрос, состояла ли Н. Гирей под судом и следствием, последняя дала отрицательный ответ: "Не судилась"³⁸. Зато оперуполномоченный IV отдела УГБ сержант Г. Б. Михайлов, который допросил Н. Гирей в качестве обвиняемой в этот же день, записывает в протокол допроса: "В 1931 г. была арестована ОГПУ. Под арестом находилась 5-6 месяцев. Освобождена без последствий"³⁹.

Знакомство с методами работы ОГПУ-НКВД и иных властных структур позволяет прийти к выводу, что в 1931 году на свободу без суда, без применения помилования, без амнистии, по сути, противозаконно, вышла Н. Сарач-Гирей-Ивановская – новоиспеченный агент ОГПУ, впоследствии переданная в том же качестве в НКВД. По всей вероятности, она была допущена в мир ленинградских литераторов с одной целью – следить и информировать. Незамужняя с тройной фамилией, не знающая, где находится ее отец, по какому адресу проживает в Ленинграде ее брат Андрей Сарач⁴⁰ – все это косвенно подтверждает наше предположение.

Факт реабилитации Н. Гирей не в середине 50-ых, а в конце 80-ых годов – еще один аргумент, свидетельствующий об агентурной миссии студентки. Она была реабилитирована "На основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х годов и начала 50-х годов". Этим Указом были реабилитированы те, кого заставили доносить и кто, несмотря на сотрудничество с органами, был репрессирован.

Теперь даже нам, в столь отдаленном от 30-х годов прошлого столетия XXI веке, становится понятной та вызывающая удивление резвость, с какой откристились от решений Ленинградской писательской организации и планов Ленгослитиздата их руководители. Страх обуял их после прочтения рецензии Макаренко, предчувствие близкой гибели прочли они между строк "Вредной повести".

И еще один неясный вопрос. Мы знаем, что занять внеочередное место на страницах толстого литературного журнала может только сверхсенсационный материал. Или сверхпробивной автор. Чрезвычайное удивление вызывает следующий факт: как мог опубликовать Н. Лесючевский свои отклики на "68 параллель" в сентябрьском (1937 г.) номере ленинградского журнала "Звезда"? В публикации он не только резко критикует Н. Гирей, но и одобряет точку зрения, почерпнутую им в рецензии Макаренко несколько недель назад (15.07.1937 г.)!

Это – наше предположение. Но как все это напоминает очередную кампанию, направленную на репрессию!

Даже для маститого автора, уже не говоря про начинающего, такого, как Н. Гирей, чересчур пристальное внимание центральной прессы к его персоне бросается в глаза.

Стаття надійшла в редакцію 16.07.2004

³⁸ Архивное дело, л. 8 об.

³⁹ Там же, л. 10 об.

⁴⁰ См.: там же, л. 10.